

Право экспертной инициативы с позиции юридической герменевтики

А.А. Бойцов^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва 129226, Россия

Аннотация: Анализируется одно из прав, составляющих процессуальный статус судебного эксперта, а именно – право экспертной инициативы. Данное право рассмотрено не только с процессуальной точки зрения, но и в контексте профессиональных и морально-этических норм, которыми должен руководствоваться в своей деятельности судебный эксперт. Право экспертной инициативы рассматривается как профессиональная обязанность эксперта. Сделана попытка с позиций юридической герменевтики установить непосредственного адресата нормы и, самое главное, форму реализации данного права экспертом. Исследуемая норма рассматривается в контексте нормативно-правовых актов, в связи с чем сделана попытка уяснить содержание данной нормы с учетом основного принципа судебно-экспертной деятельности – принципа объективности – и дополняющих его принципов всесторонности и полноты исследований. Автор поднимает вопрос об обязательном характере исследуемой нормы для эксперта независимо от того, какова ее процессуальная форма реализации.

Ключевые слова: право экспертной инициативы, юридическая герменевтика, правосознание, правопонимание, толкование права, принципы права, принципы судебно-экспертной деятельности, конфликт интерпретаций в праве

Для цитирования: Бойцов А.А. Право экспертной инициативы с позиции юридической герменевтики // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 115–127.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127>

The Expert Initiative Right from a Perspective of Legal Hermeneutics

Aleksei A. Boitsov^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Moscow City Pedagogical University, Moscow 129226, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of the rights forming the procedural status of a forensic expert, that is the right of expert initiative. The right is considered not only from a procedural point of view, but also in the context of professional, moral and ethical standards that should guide a forensic expert in his activities. The right of expert initiative is considered as a professional responsibility of an expert. From the perspective of legal hermeneutics an attempt is made to identify its direct recipient and more importantly - the form of realization of this right by the expert. The norm in question is examined within the context of regulatory legal acts and in this connection, we try to understand the content of this norm considering the basic principle of forensic expert activity - the objectivity principle and the complementary principles of comprehensiveness and completeness of a research. The question is raised of the mandatory nature of the norm for the expert regardless of the procedural form of its implementation.

Keywords: expert initiative right, legal hermeneutics, legal awareness, legal thinking, interpretation of law, principles of law, principles of forensic activity, conflict of interpretations in law

For citation: Boitsov A.A. The Expert Initiative Right from a Perspective of Legal Hermeneutics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 115–127. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127>

Введение

Право экспертной инициативы – один из значимых, на наш взгляд, элементов, составляющих не только процессуальный статус судебного эксперта, но и основу самой экспертной деятельности в целом.

На настоящий момент право экспертной инициативы закреплено в следующих нормативно-правовых актах: п. 4 ч. 3 ст. 57 и ч. 2 ст. 204 УПК РФ, ч. 2 ст. 86 ГПК РФ, абз. 3 ч. 2 ст. 86 АПК РФ, п. 3 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ и в п. 5 ч. 13 ст. 49 и ч. 4 ст. 82 КАС РФ. Однако относительно такой базовой нормы в научной среде (да и среди практиков тоже) до сих пор не выработано единого мнения.

Часть ученых считает, что экспертная инициатива связана с такой формой реализации права, как использование (т. е. обусловлена усмотрением субъекта процессуальных правоотношений – эксперта, является для него необязательной). Другая же часть научного сообщества рассматривает инициативу эксперта как обязанность (т. е. реализация данной нормы должна происходить в форме исполнения).

И если в науке такая ситуация столкновения мнений вполне допустима и даже необходима для развития, то неоднозначное толкование нормы на практике может повлечь ощутимые последствия для непосредственных участников судебного процесса.

Как нам кажется, спорный характер научно-правовой оценки данной нормы связан в первую очередь с языком права, с тем, что данная норма в законе отражена в виде конструкций «эксперт вправе указать (вправе давать) заключение», где слово «вправе» ориентирует читателя, обычно юриста, на то, что описываемая норма относится к праву, а не к обязанности. И таким, знакомым с теорией права, читателем сам язык права также понимается вполне однозначно – например, как «язык специальный, искусственно создаваемый юристами и законодателями, формальный, обеспечивающий необходимое однозначное понимание языка общения» [1].

Но законы языка, несмотря на попытку юристов его подчинить, все равно берут верх: как в языке общения, используемом всеми членами общества, так и в предназначенном для профессионального (правового) общения юристов языке права нередко приходится наблюдать неоднозначность, смысловые противоречия, колли-

зии, которые могут быть устранены путем анализа контекста и дискурса.

Именно языковая коллизия в самом широком ее понимании, по нашему мнению, и порождает различные толкования норм о праве экспертной инициативы. И разрешить данную коллизию можно при помощи юридической герменевтики. Но сначала хотелось бы проанализировать различные позиции относительно права экспертной инициативы, которые на настоящий момент могут быть актуальны для юридической науки.

Цель настоящей работы – разрешить коллизию, связанную с формой реализации экспертной инициативы как права. В современном законодательстве норма права, касающаяся экспертной инициативы, закреплена с помощью языковой конструкции со словом «вправе», что с юридической точки зрения должно пониматься как право эксперта на инициативу, как возможность проявления инициативы по собственному усмотрению. Наряду с этим профессиональные обязанности эксперта предполагают полное и всестороннее исследование предоставленных эксперту объектов, что требует от эксперта проанализировать, установить и учесть в своем заключении все значимые для дела обстоятельства, фактические данные. Т. е. эксперт при исследовании не может избирательно, произвольно учитывать одни обстоятельства и сведения и не учитывать другие. Таким образом, процессуальное право вступает в коллизию с профессиональной обязанностью эксперта; этот вопрос освещен в современной научной литературе недостаточно. Данную коллизию мы попытаемся разрешить с помощью юридической герменевтики, толкования нормативно-правовых актов.

Обзор полемики об экспертной инициативе

В научной литературе имеются разные точки зрения не только относительно того, каким образом может/должна быть реализована экспертная инициатива, но и относительно того, каковы ее границы, содержание, предмет и задачи, условия реализации.

Например, А.И. Хмыз экспертную инициативу рассматривает достаточно широко и предлагает в зависимости от содержания инициативы две формы реализации

подобного права: «экспертную инициативу следует рассматривать не только как право отразить в заключении что-то, но и право, а в ряде случаев <...> и обязанность обозначить меры профилактического характера» [2].

О профилактических задачах экспертной инициативы пишет и И.Э. Никитина, включая в инициативу еще и прогнозирование, а также задачи по развитию специальных баз данных и учета: «Экспертную инициативу можно определить как деятельность, не предусмотренную экспертным заданием, основывающуюся на специальных знаниях и опыте, осуществляемую посредством проведения экспертиз и исследований, прогнозирования, профилактики, формирования, ведения, автоматизации и использования криминалистических баз данных и учета и направленную на установление новых обстоятельств уголовного дела» [3].

Е.И. Майорова кратко упоминает о возможности направления профилактических рекомендаций в назначавший экспертизу орган в качестве экспертной инициативы [4]. Об уведомлении с подобными рекомендациями в качестве проявления экспертной инициативы еще раньше писал Р.С. Белкин, указывая на то, что именно таким образом чаще всего и реализуется экспертная инициатива [5].

О значимости экспертной инициативы для профилактики преступлений пишет профессор Е.А. Зайцева: «Весьма существенную роль играет инициатива экспертов в деле профилактики преступлений. Нередко при проведении экспертизы эксперт выявляет факты, которые указывают на причины и условия, способствовавшие совершению того или иного преступления, определенные закономерности, которые приводят к нарушениям или злоупотреблениям в этой сфере» [6, с. 195].

К проявлению экспертной инициативы некоторые авторы относят в том числе и заявление ходатайств следователю «о необходимости проведения с участием эксперта конкретного следственного действия» (например, об эксперименте и реконструкции на месте происшествия), а также возможность самостоятельно определять «последовательность решения поставленных задач»¹. Следует отметить, что, по мнению

И.В. Глазуновой², не все формы проявления экспертной инициативы предусмотрены в законе достаточно определенно: в первую очередь это касается сужения объема исследования, получения объектов исследования, профилактической деятельности и иных инициативных действий эксперта.

Дискутируется и возможность или невозможность самостоятельного сбора экспертом материалов для экспертизы. Подавляющее большинство ученых указывают на то, что самостоятельный сбор материалов недопустим.

С.Л. Мельник прямо говорит, что «экспертная инициатива может иметь место лишь в отношении объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы. В тех случаях, когда эксперт берет на себя миссию исследовать объекты, не поименованные в постановлении, которые он обнаружил сам, имеет место существенное нарушение закона» [7]. Эта же мысль прослеживается и в другой ее статье [8]. О том, что «установление фактических данных производится экспертом в пределах тех объектов и материалов дела, которые ему представлены следователем и судом», пишет в своей диссертации и А.В. Кудрявцева³.

Не возникает разногласий у авторов и относительно того, что одним из предметов экспертной инициативы являются фактические обстоятельства по делу. И.В. Глазунова предмет экспертной инициативы понимает как сведения об обстоятельствах, которые могут быть установлены в результате инициативных действий эксперта в ходе производства судебной экспертизы и имеют отношение к предмету экспертного исследования⁴. Из работы А.В. Кудрявцевой следует, что предметом инициативы являются «фактические обстоятельства дела»⁵, а из работы Е.А. Зайцевой – «обстоятельства, имеющие значение для дела» [6, с. 197].

Такое понимание предмета экспертной инициативы не противоречит существующему пониманию предмета судебной экспертизы в целом как «фактов, обстоятельств (фактических данных), установ-

¹ Мельник С.Л. Актуальные вопросы экспертной инициативы: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 287 с.

² Глазунова И.В. Теоретические и правовые аспекты участия эксперта в досудебном производстве по уголовным делам: по материалам ФТС России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 29 с.

³ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.

⁴ Глазунова И.В., там же.

⁵ Кудрявцева А.В., там же.

ливаемых посредством экспертизы» [9, с. 271] и согласуется с тем, как в криминалистической науке понимается принцип относимости, а именно с тем, что «доказательство будет относимым, если содержит сведения о любых фактах, обстоятельствах, имеющих какое-то значение для дела» [10, с. 6].

Для целей нашего исследования интересны и научные работы, касающиеся формы реализации права экспертной инициативы. Так, часть исследователей говорит о том, что экспертная инициатива – это право. «Проявление инициативы – право, а не обязанность эксперта» [11].

Как право инициативу эксперта понимает И.Н. Горбулинская: «при формулировке выводов эксперт может не указать выявленные им и имеющие значение для дела обстоятельства, по поводу которых ему не были заданы соответствующие вопросы...» [12].

При этом некоторые исследователи, говоря об инициативе как о праве, ограничивают⁶ его необходимостью согласования своей инициативы со следователем, а фактически о необходимости получения от него разрешения дать вывод по тем или иным обстоятельствам. Е.П. Гришина указывает, что «эксперт вправе по своей инициативе с согласия следователя проводить исследование для установления обстоятельств, имеющих значение для дела» [13].

Другие авторы говорят о еще более жестком ограничении экспертной инициативы и ставят эксперту в обязанность согласование со следователем самой необходимости проявления инициативы (но не изменится ли в этом случае само суще-

ство инициативы?). Так, А.В. Мишин пишет, что «эксперт в случае выявления фактов и обстоятельств, по которым ему не были поставлены вопросы, имеющие значение для дела, должен сообщить об этом следователю и совместно с ним решить вопрос о необходимости их исследования и отражения его результатов в заключении» [14, с. 36–37]. Автор говорит и о важности «сохранять тактическое взаимодействие следователя с экспертом (комиссией экспертов)» [там же], что, по нашему мнению, может вступать в некоторое противоречие с принципом независимости эксперта (или восприниматься таким образом со стороны других участников процесса).

Наряду с такими дискуссионными толкованиями экспертной инициативы существуют и откровенно сомнительные подходы к пониманию этой нормы, которые развивают идею о необходимости согласования хода и содержания исследования с одной из сторон по делу (в зависимости от того, кем были предложены на исследование те или иные вопросы). Например, А.В. Фролова, с чьей позицией мы категорически не согласны, пишет, что «следует учитывать вопросы, связанные с составительным характером процесса, в частности, тот факт, что при проведении экспертизы по инициативе стороны эксперт не вправе без согласования с ней ставить и разрешать вопросы, поскольку может иметь место ситуация, когда обстоятельства, установленные экспертом, негативно отразятся на положении участника процесса, чьи интересы он обязан отстаивать средствами судебной экспертизы» [15].

Нам же наиболее близка позиция ученых, которые рассматривают экспертную инициативу не как право, а как обязанность эксперта. Например, Е.А. Зайцева пишет, что «если при производстве экспертизы эксперт по своей инициативе установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он должен указать их в своем заключении» [6, с. 197]. Профессор А.А. Эксархопуло с соавторами придерживаются той же точки зрения: «Эксперты именно ДОЛЖНЫ, а не ВПРАВЕ, как это закреплено в ст. 204 УПК РФ, обращать внимание на выявленные в процессе экспертного исследования обстоятельства, по поводу которых им не были заданы вопросы, но которые могут иметь существен-

⁶ По данному поводу хотелось бы сделать небольшое отступление. Мысль относительно необходимости согласования инициативы прослеживается в работах разных авторов, посвященных судебной экспертизе. И, на наш взгляд, подобное ограничение может быть допустимо, но только в особых, исключительных случаях, когда инициатива связана, например, с необходимостью получения дополнительных материалов, с изменением или уничтожением объектов и др. Когда же эксперт может оперировать предоставленным ему объектом без изменения его свойств, и этот объект является пригодным и достаточным, согласование и получение разрешения от следователя кажется нам избыточным. Эксперт таким образом будет в значительной части лишен своей хоть и не большой, но процессуальной самостоятельности, что в свою очередь может повлиять не только на общее качество исследования, но и на то, как оно будет использовано в качестве доказательства. В этой связи в таких однозначных случаях реализация инициативы, по нашему мнению, должна происходить в уведомительном, а не разрешительном порядке.

ное значение для дела» [16, с. 110]. Свою позицию эти ученые подкрепляют ссылками на работы известного правоведа-криминалиста времен Российской империи Л.Е. Владимирова, который, обращаясь к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (к одному из источников современного уголовного права с точки зрения исторической преемственности), более ста лет назад также оценивал экспертную инициативу не как право, а как процессуальную обязанность экспертов (сведущих людей в дореволюционной терминологии): «Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины (ст. 333 Устава уголовного судопроизводства). Эта обязанность экспертов представляет в настоящем свете ст. 332, по которой следователь предлагает сведущим людям словесно или письменно вопросы, подлежащие их разрешению. Эксперт, следовательно, по ст. 333 не связан в своих изысканиях вопросами, которые часто могут быть неполны, односторонни и даже нецелесообразны» [17, с. 282].

Закончить настоящий обзор хотелось бы словами профессора Р.С. Белкина, которые, на наш взгляд, могут отчасти объяснить отсутствие в сообществе экспертов жарких дискуссий относительно формы реализации права экспертной инициативы. Р.С. Белкин пишет, что реализованное экспертом право на инициативу «не влечет за собой подобных обязанностей для органа, назначившего экспертизу: он волен учитывать или не учитывать обстоятельства, инициативно установленные экспертом при производстве назначенной им экспертизы» [18].

Таким образом, уже из той небольшой части приведенных выше работ, посвященных экспертной инициативе, видно, что это достаточно многогранный правовой институт, содержание которого оказывается значительно шире того текста, который непосредственно отражен в статье закона. Однако в настоящем исследовании мы постараемся (насколько это возможно) избежать расширительного толкования и проанализировать норму лишь в той части, которая касается формы реализации права эксперта.

Особенности герменевтического метода при анализе нормы о праве экспертной инициативы

Прежде всего следует отметить, что нормы о праве экспертной инициативы, имеющиеся в отраслевом и межотраслевом законодательстве, друг другу не противоречат и имеют одинаковую структуру:

– гипотеза, которая предполагает, что эксперт в ходе исследования установит обстоятельства, имеющие значение для дела;

– диспозиция, в которой содержится правило должного поведения: ‘эксперт указывает на такие обстоятельства в своем заключении’.

Для целей настоящей статьи мы будем ссылаться на уголовно-процессуальные нормы и анализировать их как наиболее значимые с социальной точки зрения.

Для толкования этой нормы мы используем один из основных методов юридической герменевтики⁷ – интерпретацию. В этой связи следует напомнить, что толкование права, как верно пишет Н.Н. Ефремова, «выступает отдельным видом толкования как интеллектуальной деятельности. Первое и последнее соотносятся как частное и общее, поэтому толкованию права присущи соответственно как общие интерпретационные черты, так и специфические, определяемые особым объектом, имеющим правовую природу» [20, с. 383].

Ю.Ю. Ветютнев, переосмысливая подходы своих предшественников, предлагает следующую последовательность (процедуру) герменевтического анализа правовой нормы из восьми шагов (выбор текста, «курсорное чтение», поиск темных мест, задавание вопросов, «набросок», проверка, синтез, возвращение к началу) [21, с. 138–141], которая, по нашему мнению, применима и для нормы об экспертной инициативе. Наиболее интересными нам кажутся третий, четвертый и пятый шаги – поиск темных мест, вопрос и формулирование гипотезы.

⁷ В данном случае позволим себе согласиться с мнением Е.М. Крупени о том, что «в современном теоретическом правоведении юридическая герменевтика имеет статус частной теории – теории толкования права в связи с его текстуальной формой выражения» [19, с. 221]. Но вместе с этим отметим, что такой, необщетеоретический, характер юридической герменевтики не мешает ни анализу норм права, ни их уяснению, ни толкованию.

Анализ с позиции герменевтики

Ясно, что темным местом нормы о праве экспертной инициативы будут вопросы, имеющие отношение к предмету экспертного исследования и обстоятельства, которые имеют значение для дела. В связи с этими формулировками возникают следующие вопросы:

1) зачем вообще законодатель предоставляет эксперту возможность самостоятельно ставить вопросы?

2) чем эксперту, зачастую не обладающему юридическими знаниями и навыками правовой квалификации, руководствоваться при определении значимости того или иного обстоятельства для дела?

3) кому адресована данная норма (адресована ли она эксперту?).

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к отраслевому законодательству, а именно к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД), в котором указаны задачи судебно-экспертной деятельности (СЭД): оказание содействия суду и следствию в разрешении вопросов, требующих специальных знаний. Информацию о том, какого качества должно быть такое содействие и зачем оно необходимо в принципе, можно получить исключительно из широкого правового контекста⁸.

Этим контекстом будут принципы уголовного судопроизводства и принципы государственной СЭД. Именно принципы, на наш взгляд, и содержат то господствующее значение, о котором И.Л. Честнов пишет как о необходимом компоненте для герменевтического анализа, для понимания права: «Интерпретативный анализ <...> должен включать в себя и соотнесение субъективного смысла с господствующими в данной культуре значениями и со значениями, существующими в других культурах» [22, с. 238]. В другом своем исследовании в качестве одного из эффективных инструментов («реалистичная программа анализа») для восприятия права этот автор называет и критический дискурс-анализ [23, с. 71].

При этом, говоря о том, что принципы права являются основными составляю-

щими правового дискурса, не следует забывать о необходимости рассматривать и анализировать эти принципы не только во взаимосвязи с конкретной нормой, но и во взаимосвязи между собой. Важность учета такой взаимосвязи конкретно в дискурсе СЭД подчеркивают С.А. Смирнова и О.В. Микляева: «Принципы права, его отраслей и правовых институтов тесно взаимосвязаны и образуют единую логико-правовую систему. Нарушение хотя бы одного из принципов приводит, как правило, к нарушению другого принципа или всей цепи принципов, <...> что, в свою очередь, не даст возможность полноценно осуществить правосудие и восстановить нарушенные права и законные интересы граждан» [24]. Мысль о взаимосвязанности, взаимозависимости принципов права поддерживается и в современной западной правовой науке. Так, известный немецкий теоретик права Роберт Алекси (Robert Alexy) пишет, что «принципы могут и должны быть сбалансированы. Достижение баланса между принципами (оценка веса, взвешивание принципов) является типичной формой реализации принципов» [25, с. 44].

Учитывая указанные выше положения, ответ на вопрос, зачем эксперту предоставлено право экспертной инициативы, потребует обращения к закрепленным в ст. 4 ФЗ о ГСЭД нормам-принципам: законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Важны для толкования исследуемой нормы и принципы, закрепленные в ст. 6 УПК РФ, из которой можно понять, что право экспертной инициативы в том числе связано с желанием законодателя гарантировать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. То есть ст. 6 УПК РФ фактически позволяет проверить и подтвердить обозначенную выше гипотезу: право экспертной инициативы обеспечивает защиту прав потерпевших и обвиняемых/подсудимых от произвола в уголовном процессе, которая в свою очередь зависит от объективности расследования в

⁸ Цели содействия нельзя понять и из норм статей, закрепляющих основные положения правового статуса суда (ст. 29 УПК РФ) и следователя (ст. 37 УПК РФ) – конкретно указанных в качестве тех, кому закон обязывает эксперта оказывать содействие.

целом и объективности экспертизы в частности⁹.

Ответ на вопрос, связанный с определением значимости обстоятельства для дела, можно найти также в контексте правовых принципов. Понятно, что имеется в виду не любая значимость, а только та, которая может оказать влияние на правовую квалификацию деяния, т. е. словосочетания «имеющие отношение» и «имеют значение» в ст. 57 и 204 УПК РФ используются законодателем в качестве равноценных и связаны с принципом относимости доказательств. Т. е. эксперту не требуется учитывать характер этой значимости, например связан ли он с подтверждением/опровержением позиции следствия/защиты. Эксперту важно лишь наличие связи между устанавливаемым им фактом и существом дела и то, что об установленном им факте ему не был поставлен вопрос (и, вероятно, из предоставленных материалов неизвестно, что такой вопрос был поставлен ранее и как он был разрешен).

Установив непосредственную связь нормы о праве экспертной инициативы с конкретными принципами права, следует уяснить характер влияния данных принципов на содержание исследуемой нормы – на форму реализации права (и, как следствие, на определение субъекта данной нормы). В данном случае возникает тот самый конфликт интерпретаций: с одной стороны, возможность реализации права по усмотрению эксперта, а с другой стороны – противоречащий этой возможности принцип объективности (реализация которого в свою очередь взаимосвязана с принципами всесторонности и полноты исследований, т. е. принцип объективности как бы охватывает принципы всесторонности и полноты исследований, включает их в себя – без всесторонности и полноты экспертное исследование вряд ли можно будет считать объективным).

Однозначное понимание данного принципа в правовой судебно-экспертный дискурс введено емким определением Н.П. Майлис и используется в системе экспертных учреждений Минюста России при обучении экспертов: «Под объективностью понимается установление истины при решении поставленной следователем (судом) задачи. Эксперт, при достаточности

представленных материалов исследования, должен установить истину независимо от версии следователя (суда), не опираясь на сведения из материалов дела, очевидцев события преступления и т. п. В случае если материалов недостаточно, эксперт должен отказаться от решения вопроса или подготовить сообщение о невозможности дачи заключения» [26, с. 163].

Кроме того, из работ Н.П. Майлис можно понять, что объективность – это не только правовой принцип, связанный непосредственно с производством экспертного исследования, но и моральный закон, категорический императив, которому в своей профессиональной деятельности должен следовать человек, принявший на себя статус эксперта: «...при осуществлении профессиональной деятельности в экспертном учреждении, закладываются моральные нормы, которым должен следовать эксперт, реализовывая их при выполнении своих функций: принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность» [27, с. 31]. Таким же образом со ссылкой на аналогичные правовые принципы правовое положение эксперта оценивается и в зарубежной литературе и зарубежном законодательстве. Так, например, Кассационный суд Бельгии указывает, что эксперт – это лицо, которое назначается судьей, но действует независимо и беспристрастно (*independently and impartially*), честно и добросовестно (*in honour and decency, in an honest and conscientious way*) [28]. О честности и непредвзятости (*honest and unbiased*) как категориях, аналогичных российскому принципу объективности, сообразно которым должен действовать судебный эксперт, говорят и специалисты-медики из Израиля [29]. Следование принципам объективности и полноты исследования (*objectively well-grounded, exhaustive and based on convincing arguments*) для эксперта считают важным и итальянские ученые [30]. Категории чести и добросовестности (*en leur honneur et conscience*), которые также можно расценить как аналог отечественного принципа объективности, фигурируют и во французском уголовно-процессуальном и межотраслевом законодательстве в части, закрепляющей правовой статус судебного эксперта¹⁰. Принципу

⁹ Т. е. в данном случае можно говорить о взаимосвязанности принципов, закрепленных в ст. 6 УПК РФ, с принципом объективности.

¹⁰ См., например, ст. 157 УПК Франции (*Code de procédure pénale*), в которой сделана отсылка к закону о судебных экспертах (*Loi n° 71-498 du 29 juin 1971 relative aux experts judiciaires (Version consolidée au 22 mai 2019)*), а именно в статье 6 идет речь о клятве (*serment*) судебного эксперта.

беспристрастности¹¹ (unparteiisch und nach bestem Wissen und Gewissen erstattet habe) в экспертной деятельности следуют и в германском уголовно-процессуальном праве.

Р.С. Белкин писал, что «цель экспертного исследования – установление истины в рамках задачи, поставленной перед экспертом следователем или судом, поэтому эксперт не вправе связывать себя ни версией обвинения, ни версией защиты или истца и ответчика; но должен добросовестно искать истину, невзирая на то, кому эта истина будет выгодной, и помня, что она всегда “выгодна” правосудию и законности» [18, с. 128].

Опираясь на сообразные позиции авторитетных отечественных ученых Н.П. Майлис и Р.С. Белкина, можно с уверенностью утверждать: если эксперт не будет в своей деятельности руководствоваться принципом объективности, то и цели экспертного исследования он не достигнет.

Однако в некоторых случаях может возникнуть потребность в разграничении цели экспертного исследования как глобально-направленного всей экспертной деятельности вообще (здесь мы имеем в виду профилактические задачи экспертизы) и как конкретного исследования по конкретному делу (установление фактов, сведений и т. п.).

Например, по делам о противодействии экстремизму объектом лингвистической экспертизы могут становиться тексты и высказывания, связанные с реакцией автора на публикацию или высказывание, которые, как окажется в процессе исследования, сами будут иметь признаки возбуждения вражды или пропаганды какой-либо законодательно запрещенной идеологии. Так, может быть, что дело возбуждается в отношении автора комментариев к размещенной на неонацистском ресурсе статье, где и сами комментарии, и сама статья, послужившая для них поводом, носят сомнительный характер с точки зрения законодательства о противодействии экстремизму. Допустим, в статье призывают дискриминировать лиц определенной национальности, а автор комментариев, имеющий отношение к этой дискриминируемой национальности, реагируя на эту статью, в ответ начинает призывать дискриминировать лиц той национальности, от имени

которой ведется повествование в статье. Естественно, при анализе комментариев эксперт учтет коммуникативную ситуацию и содержание статьи, послужившей информационным поводом. Все эти действия регламентированы соответствующей методикой по делам, связанным с противодействием экстремизму [31], которая прошла проверку временем и одобрена большинством авторитетных отечественных судебных экспертов. Кстати, авторы методики по экстремизму прямо указывают на конкретный случай, когда инициатива эксперта может пониматься как его обязанность: «При неполноте вопроса (экспертного задания) эксперт должен восстановить ее¹² в полном объеме, воспользовавшись своим правом на инициативу» [там же, с. 26].

Но, возвращаясь к статье сомнительного содержания и таких же комментариев к ней, необходимо ли эксперту и в этом случае проявить инициативу и в виде отдельного вывода дать оценку такому провокативному, распространяющему неодобряемые обществом взгляды тексту¹³, послужившему поводом для спорных комментариев? Будет ли такой вывод направлен на достижение профилактических целей или же такая экспертная оценка изменит положение подсудимого? Будет ли и должна ли быть принята такая инициатива судом во внимание при вынесении приговора по конкретному делу? Не будет ли нарушен другой принцип – принцип справедливости, – в случае если в таком деле эксперт не проявит инициативу?

В некоторых случаях ставящиеся перед экспертом вопросы предполагают такие выводы, которые подтвердят версию следствия (суда); вопросы же, которые могут поставить эту версию под сомнение или даже опровергнуть ее, не ставятся. Например, по делам о взятке перед экспертом-лингвистом может быть поставлен вопрос о побуждении к передаче денежных средств со стороны лица, давшего взятку. Формальное разрешение данного вопроса не предполагает ни анализа побуждений

¹² Полноту вопроса – Прим. автора.

¹³ Обычно на исследование эксперту представляются как сами комментарии, так и материал, послуживший для них поводом. Поэтому в данном случае инициатива эксперта никак не будет связана с самостоятельным сбором материалов для производства судебной экспертизы, который (сбор) является законодательно установленным запретом для эксперта (хотя и является, как отмечено выше, дискуссионным в научной среде).

¹¹ См., например, § 79 УПК Германии (Strafprozeßordnung).

со стороны лица, берущего взятку, ни установления того, кому принадлежала инициатива введения в разговор темы передачи денежных средств. Очевидно, что положение давшего взятку может существенно измениться в случае установления побуждений к передаче денежных средств со стороны лица, берущего взятку. Уголовное дело может быть прекращено в связи с провокацией, а обвиняемый может «поменяться» с потерпевшим процессуальным статусом, и дело будет переквалифицировано со взятки на вымогательство и злоупотребление полномочиями (превышение полномочий).

Или же по делам об оскорблении перед экспертом-лингвистом может быть поставлен вопрос о наличии в тексте негативной информации о каком-то лице, а также вопрос о наличии в этом же тексте бранной или неприличной, нецензурной лексики. Очевидно, исходя из смысла нормы об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ, «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»), что не любая негативная информация должна быть квалифицирована как оскорбление, а также что наличие в тексте, высказываниях бранной или неприличной, нецензурной лексики не обязательно свидетельствует о совершении правонарушения, которое должно быть квалифицировано как оскорбление.

Для проведения экспертиз и исследований по делам об оскорблении в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России опытными экспертами (Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецовым и А.М. Плотниковой) была разработана методика [32], позволяющая провести четкую грань между высказываниями, за которые должна/может наступать юридическая ответственность, и высказываниями, которые оскорблением в его правовом понимании не являются. Однако, несмотря на наличие такой методики, перед экспертами продолжают ставить пространственные и нечеткие вопросы о негативной информации (которые к тому же в подавляющем большинстве случаев по делам об оскорблении вполне могут быть разрешены и без участия эксперта). При этом вопрос о наличии негативной информации не выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста, сам вопрос актуален при производстве экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (и по клевете), и для ре-

шения такого вопроса также выработан соответствующий методический подход [33]. Т. е. в целом при назначении экспертизы по делу об оскорблении с вопросом о негативной информации у эксперта нет формальных оснований ни для переформулирования вопроса, ни для отказа от его решения. Эксперт может лишь направить запрос органу (или лицу), назначившему экспертизу, с просьбой переформулировать, заменить, изменить или снять вопрос, но при отказе будет вынужден его решать. И далее при квалификации деяния с опорой на подобное заключение эксперта следствие или даже суд могут, сами того не ведая, вынести решение, вступающее в противоречие с принципами законности, объективности и справедливости.

Инициатива эксперта в данном случае должна заключаться в том, чтобы соотнести категорию дела с имеющимися методическими наработками и разрешать не только поставленные следователем вопросы, но и самому поставить те типовые вопросы, которые соответствуют категории дела. В рассмотренном случае (по делам об оскорблении) – вопрос о наличии значения унижительной оценки лица, и в случае наличия – о лингвистических признаках неприличной формы выражения.

То есть не проявление экспертом инициативы влечет нарушение принципа объективности, а наблюдаемый в таком случае конфликт интерпретаций лишается того гносеологического значения, о котором писал П. Рикер (Paul Ricoeur) [34], и должен быть разрешен объективно. Именно принцип объективности, как нам кажется, является имманентным для СЭД, без которого такая деятельность теряет всякий смысл и необходимость. Таким образом, формой реализации права экспертной инициативы будет не использование, а исполнение, а сама экспертная инициатива – обязанностью эксперта¹⁴. И обязанность эта может быть и не включена в его правовой статус, но точно ему не противоречит, она лежит в области правосознания эксперта, его добросовестности и профессиональной этики.

Трудно будет оценить как правомерное поведение эксперта, который обнаружил какой-то значимый факт, но не отразил

¹⁴ Фактически эксперт оказывается и юридически, и морально скован принципом объективности, а любое его действие должно быть сообразно в первую очередь принципу объективности.

его в своем заключении из-за, например, нехватки времени, дополнительной работы, необходимости выпустить заключение в запланированный срок или просто нежелания вникать в обстоятельства дела и собственного безразличия. Возможно, такое поведение эксперта при наличии соответствующих доказательств должно быть оценено как дисциплинарный проступок.

Конечно же, из любого правила могут быть исключения. И в данном случае единственным условием, которое, по нашему мнению, может хоть как-то оправдать отсутствие инициативы со стороны эксперта, будет его «добросовестное заблуждение» относительно значимости установленных в ходе исследования фактов, связанное, например, с отсутствием у эксперта юридического образования, знаний в области теории права и криминалистики. Однако вопрос об условиях «добросовестности» заблуждения при не проявлении экспертной инициативы является темой отдельного исследования.

Выводы

Ключевым же моментом для разрешения конфликта интерпретаций, возникающего в связи с тем, что норма, являющаяся по своей сути профессиональной обязанностью, была названа в процессуальном законодательстве правом, будет, по нашему мнению, определение адресата данной нормы. Конфликт интерпретаций указывает на то, что норма не может иметь основным адресатом того, о ком в ней непосредственно идет речь – эксперта. Данная норма в первую очередь устанавливает правила должного поведения в отношении эксперта, т. е. защищает экспертную инициативу от неправомерного поведения со стороны других участников процесса, других субъектов СЭД.

Англо-американский теоретик права Рональд Дворкин (Ronald Dworkin) пишет, что судья в своей деятельности не принимает решения по собственному усмотрению, а должен обратиться к закону, понять его и «действовать в соответствии с этим пониманием (независимо от того, будет оно оспорено или нет)» [35, с. 63–64]. Точно такой же подход, нам кажется, должен исповедовать и эксперт в своей деятельности, т. е. при уяснении нормы о праве экспертной инициативы эксперт также должен уяснить и нормы-принципы

объективности, всесторонности и полноты исследований – должен учитывать взаимосвязанность, взаимозависимость норм.

Таким образом, говоря о праве экспертной инициативы с позиций юридической герменевтики, мы должны понимать, что по своему существу право экспертной инициативы с точки зрения эксперта не является правом в его бытовом (и уж тем более юридическом) понимании. Данная норма является правом лишь в том смысле, что сама инициатива эксперта не может быть ограничена кем-либо, т. е. адресована эта норма в первую очередь не эксперту, а другим субъектам СЭД (суду, следствию), а для эксперта – это прямая профессиональная обязанность, намеренный отказ от исполнения которой может быть оценен как неправомерное поведение.

И говоря здесь об обязанности, мы имеем в виду исключительно ее профессиональный характер, а не обязанность как часть процессуального статуса эксперта (хотя нам и кажется вполне уместным перевод этой обязанности из области дисциплинарных требований в область процессуальную). Обязанность эта должна реализовываться лишь в тех редких случаях, когда она необходима для объективного расследования дела: эксперт вовсе не обязан проявлять инициативу в каждой своей экспертизе без повода.

Кроме того, обязательный характер инициативы позволяет эксперту реализовать не только свою вспомогательную функцию (связанную с косвенным участием в правоприменении – с «оказанием содействия»), но и фактически дает ему право непосредственно принимать участие в правоприменительной деятельности, указывая суду и следствию на обстоятельства, которые были ими не отмечены (по незнанию, из добросовестного заблуждения или, может быть, злонамеренно). И хотя такое участие не имеет столь большого значения в итоговой правовой квалификации¹⁵, как участие других процессуальных фигур – судьи, следователя, прокурора, защитника, оно позволяет эксперту следовать обязательному для него принципу – принципу объективности, а также избегать манипуляций его позицией и добросовестно выполнять свою работу на благо общества.

¹⁵ И может даже вообще не повлиять на судьбу обвиняемого или потерпевшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Н.Н. Правовое общение и правосудие в контексте истории российской юстиции // Государство и право. 2011. № 10. С. 85–94.
2. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы / Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 105–108. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10027>
3. Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 110–118. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-3-110-118>
4. Майорова Е.И. Особенности экспертной профилактики при производстве судебно-экологических экспертиз // Право и государство. 2018. № 3–4 (80–81). С. 144–154.
5. Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 111 с.
6. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 437 с.
7. Мельник С.Л. О границах экспертной инициативы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 20–22.
8. Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. К вопросу о становлении института экспертной инициативы при производстве судебно-медицинских экспертиз в России // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 124–130. <https://doi.org/10.12737/24123>
9. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть II. / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ЭКОМ, 2012. 455 с.
10. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
11. Яровенко В.В. Применение экспертной инициативы в современной экспертной практике // Юридические исследования. 2017. № 6. http://e-notabene.ru/lr/article_22855.html
12. Горбулинская И.Н. Об экспертной инициативе // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 41–42.
13. Гришина Е.П. Ошибки экспертной инициативы // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 9–10.
14. Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу. Учебное пособие. Казань: КФУ, 2017. 94 с.
15. Фролова А.В. Право экспертной инициативы и экспертная профилактика в современном

REFERENCES

1. Efremova N.N. Legal Dialogue and Justice in a Context of History of the Russian Justice. *State and Law*. 2011. No. 10. P. 85–94. (In Russ.)
2. Hmyz A.I. To a Question about Expert Prevention in the Production of Judicial Expertise. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2019. No. 1. P. 105–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10027>
3. Nikitina I.E. Current Issues in Justice and Home Affairs Cooperation between EU Member States Pertaining to Forensic Services and Investigative Operations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 3. P. 110–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-3-110-118>
4. Maiorova E.I. Peculiarities of Expert Preventive Inspection in the Process of Judicial Ecological Expertise. *The Law and the State*. 2018. No. 3–4 (80–81). P. 144–154. (In Russ.)
5. Belkin R.S. *Forensics. Brief encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1993. 111 p. (In Russ.)
6. Zaitseva E.A. *The Concept of Development of the Forensic Science Institution in the Conditions of Adversarial Criminal Proceedings. Monograph*. Moscow: Yurлитinform, 2010. 437 p. (In Russ.)
7. Melnik S.L. On the Boundaries of the Expert Initiative. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 2 (28). P. 20–22. (In Russ.)
8. Melnik S.L., Revenko Ya. D. On the Question of the Formation of the Institute of Expert Initiative in the Production of Forensic Enquiry in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2017. No 2. P. 124–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/24123>
9. Smirnova S.A. (ed.) *Encyclopedic Dictionary of Forensic Science. Multimodal Edition "Forensic Science: Reboot". Part 2*. Moscow: EKOM, 2012. 455 p. (In Russ.)
10. Orlov Yu.K. *The issues of the theory of evidence in criminal proceedings*. Moscow: Yurist, 2009. 175 p. (In Russ.)
11. Yarovenko V.V. Expert Initiative in the Modern Expert Practice. *Legal Studies*. 2017. No. 6. (In Russ.). http://e-notabene.ru/lr/article_22855.html
12. Gorbulinskaya I.N. On the Initiative of the Expert. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. No 2. P. 41–42. (In Russ.)
13. Grishina E.P. Mistakes of Expert's Initiative. *Expert-Criminalist*. 2012. No 2. P. 9–10. (In Russ.)
14. Mishin A.V. *Forensic Examination in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case. Study guide*. Kazan: Kazan Federal University, 2017. 94 p. (In Russ.)
15. Frolova A.V. The Right of Expert Initiative and Expert Prevention in the Modern Criminal

- уголовном процессе // Проблемы техногенной безопасности и устойчивого развития. 2011. Вып. 2. С. 277–281.
16. Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. Монография. М.: Юрайт, 2019. 167 с.
  17. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
  18. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х томах. Том 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.
  19. Крупеня Е.М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики / Под ред. Е.Н. Тонкова и И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 219–234.
  20. Ефремова Н.Н. Толкование права: становление доктрины и практики в российской империи. XVIII – первая половина XIX в. / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики. СПб.: Алетейя, 2017. С. 383–392.
  21. Ветютнев Ю.Ю. Процедурность юридической герменевтики / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики. СПб.: Алетейя, 2017. С. 133–141.
  22. Честнов И.Л. История и методология юридической науки. Учебник. М.: Инфра-М, 2018. 283 с.
  23. Честнов И.Л. Интерпретация механизма воспроизводства правовой реальности / В кн.: Парадигмы юридической герменевтики. СПб.: Алетейя, 2017. С. 33–72.
  24. Смирнова С.А., Микляева О.В. Принцип законности в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 10–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2015-1-10-15>
  25. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
  26. Майлис Н.П. Этические нормы в экспертной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 162–165.
  27. Майлис Н.П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 1 (4). С. 28–32.
  28. Vermeylen Y. The Role of the Forensic Expert in Criminal Procedures according to Belgian Law // *Forensic Sci. Int.* 2010. Vol. 201. No. 1–3. P. 8–13. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2010.04.017>
  29. Hissa J., Freunda M., Kahanab T. The forensic expert witness – An issue of competency // *Forensic Sci. Int.* 2007. Vol. 168. No. 2–3. P. 89–94. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.004>
  30. Fusaro N. The Role of the Expert, of the Technical Consultant and of the Consultant for the Defensive Process. *Problems of technological safety and sustainable development.* 2011. Issue 2. P. 277–281. (In Russ.)
  16. Eksarkhopulo A.A., Makarenko I.A., Zainullin R.I. *Criminalistics: History and Development Prospects. Monograph.* Moscow: Yurait, 2019. 167 p. (In Russ.)
  17. Vladimirov L.E. *The Theory of Criminal Evidence.* Tula: Autograph, 2000. 462 p. (In Russ.)
  18. Belkin R.S. *Course of Forensics. In 3 volumes. Vol. 3. Forensic means, techniques and recommendations.* Moscow: Yurist', 1997. 480 p. (In Russ.)
  19. Krupenya E.M. The Interpretation of Law, Legal Hermeneutics in the Context of the Subject Approach. In: Tonkov E.N. and Chestnov I.L. (eds.) *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 219–234. (In Russ.)
  20. Efremova N.N. The Interpretation of Law: Formation of Doctrine and Practice in the Russian Empire. XVIII – the first half of the XIX century / In: *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 383–392. (In Russ.)
  21. Vetyutnev Yu.Yu. The Procedural Nature of Legal Hermeneutics / In: *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 133–141. (In Russ.)
  22. Chestnov I.L. *History and Methodology of Legal Science: A Textbook.* M.: Infra-M, 2018. 283 p. (In Russ.)
  23. Chestnov I.L. Interpretation of the reproduction of legal reality mechanism / In: *Paradigms of Legal Hermeneutics.* Saint Petersburg: Aletheia, 2017. P. 33–72. (In Russ.)
  24. Smirnova S.A., Miklyaeva O.V. The Principle of Legality in Forensic Practice. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2015. No. 1 (37). P. 10–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2015-1-10-15>
  25. Alexy R. *Begriff und Geltung des Rechts.* Translated from German by Laptev A.N., Kal'shoiera F. Moscow: Infotropic Media, 2011. 192 p. (In Russ.)
  26. Mailis N.P. Ethics Norms in expert activity. *Vestnik Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia = Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* 2011. No. 9. P. 162–165. (In Russ.)
  27. Maylis N.P. The Etiquette of Court Expert as a Component of Professional Ethics in Forensic Activities. *Forensic Examination of Belarus.* 2017. No. 1 (4). P. 28–32. (In Russ.)
  28. Vermeylen Y. The Role of the Forensic Expert in Criminal Procedures according to Belgian Law. *Forensic Sci. Int.* 2010. Vol. 201. No. 1–3. P. 8–13. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2010.04.017>
  29. Hissa J., Freunda M., Kahanab T. The forensic expert witness – An issue of competency. *Forensic Sci. Int.* 2007. Vol. 168. No. 2–3. P. 89–94. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2006.06.004>
  30. Fusaro N. The Role of the Expert, of the Technical Consultant and of the Consultant for the Defensive

- Investigations in the Criminal Trial // *Forensic Sci. Int.* 2004. Vol. 146. Suppl. P. S219–S220.
<https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.09.067>
31. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ, 2014. 98 с.
  32. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М.: РФЦСЭ, 2016. 90 с.
  33. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И. и др. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: РФЦСЭ, 2018. 136 с.
  34. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
  35. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ. М.Д. Лахути и Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
- Investigations in the Criminal Trial. *Forensic Sci. Int.* 2004. Vol. 146. Suppl. P. S219–S220.
<https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2004.09.067>
  31. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Methodology of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Examination of in Cases Connected with Counteraction to Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.)
  32. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. *Forensic Linguistics in Cases on Insult*. Moscow: RFCFS, 2016. 90 p. (In Russ.)
  33. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I. et al. *Semantic Research in Forensic Linguistics. A Handbook*. S.A. Smirnova (ed.). Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.)
  34. Ricoeur P. *Le conflit des interpretations. Essais d'hermeneutique* / Trans. from French by I.S. Vdovina. Moscow: Academic Project, 2008. 695 p. (In Russ.)
  35. Dworkin R. *Taking Rights Seriously* / Trans. from English by M.D. Lakhutie, L.B. Makeeva. Moscow: ROSSPEN, 2004. 392 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бойцов Алексей Александрович – заместитель заведующего лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России;
 e-mail: alexey.boytsov@yandex.com

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei Aleksandrovich Boitsov – Deputy Head of the Laboratory of Forensic Linguistics, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice;
 e-mail: alexey.boytsov@yandex.com

Статья поступила: 28.04.2019

Received: 28.04.2019